

МЕЖДУ ВЛАСТЬЮ СЛУЧАЯ И РАЗУМА (К ПРОБЛЕМЕ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ АЛЕКСАНДРА ГЕРЦЕНА)

BETWEEN THE POWER OF CHANCE AND REASON (TO THE PROBLEM OF THE PHILOSOPHY OF HISTORY BY ALEXANDER HERZEN)

**V. Blokhin
N. Georgieva
P. Malshakova**

Summary: The article examines the controversial issue of Alexander Herzen's scientific worldview. An analysis of Herzen's scientific journalism shows that positivism was the defining basis of his philosophy of history. By developing a scientific worldview, he theoretically substantiated his social ideal. Hegelianism was adopted by Herzen only formally and externally. Nevertheless, Herzen, relying on the idea of historical reason, clearly realized the limitations of any social projects. Since history is created and directed by a person who has freedom and morally autonomous consciousness, the results of human historical creativity are not predetermined. Awareness of this fact gave rise to historical pessimism in Herzen as a thinker. Herzen also applied pessimism to the ideals of socialism, the historical embodiment of which history did not guarantee.

Keywords: Hegelianism, positivism, chance, laws of history, progress, historical reason.

Блохин Владимир Владимирович

доктор исторических наук, профессор,
ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы
народов имени Патриса Лумумбы»
blokhin_vv@pfur.ru

Георгиева Наталья Георгиевна

доктор исторических наук, профессор,
ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы
народов имени Патриса Лумумбы»
georgieva-ng@pfur.ru

Мальшакова Полина Александровна

Аспирант, ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы
народов имени Патриса Лумумбы»
malshakova-pa@pfur.ru

Аннотация: В статье рассматривается дискуссионная проблема о научном мировоззрении Александра Герцена. Анализ научной публицистики Герцена показывает, что определяющей основой его философии истории был позитивизм. Посредством выработки научного мировоззрения он теоретически обосновывал свой социальный идеал. Гегельянство было усвоено Герценом лишь формально и внешне. Тем не менее, Герцен, опираясь на идею исторического разума, отчетливо осознавал ограниченность любых социальных проектов. Поскольку история создается и направляется человеком, обладающим свободой и нравственно-автономным сознанием, плоды исторического творчества человека не являются заранее предreshенными. Осознание этого факта порождало в Герцене как мыслителя исторический пессимизм. Пессимизм относился у Герцена и к идеалам социализма, историческое воплощение которых история не гарантировала.

Ключевые слова: гегельянство, позитивизм, случай, законы истории, прогресс, исторический разум.

При характеристике философского мышления Александра Ивановича Герцена, «первого народника» и самого известного в России диссидента XIX века часто до сих пор господствует в научном сознании миф о гегельянстве Герцена, что вполне объяснимо желанием отечественной историографии советского времени приблизить Герцена, «выдающегося революционного демократа» к стандартам научной марксистской истины: раз К. Маркс был гегельянцем, то и великий русский демократ не мог не быть им. Вопрос о характере мировоззренческой основы Герцена имеет принципиальное значение для понимания всей его социально-политической концепции, ее движущих сил и факторов. При этом следует иметь в виду, что для интеллигенции XVIII–XIX века был очень характерно рационалистическое мышление, заданное культурным импульсом Просвещения, возвеличившего исторический разум до силы, нормирующей и преобразующей историю. Для Герцена и его потомков и современников (особенно Н.Г. Чернышевского) было

характерно стремление выстроить рационалистическую философию истории, венцом которой должна была стать эмансипация человека и общества, построение социализма.

Конечно, А.И. Герцен, как и многие современники 1840-х–1860-х гг. прошел жизненный этап увлечения философией Гегеля. «прошел хорошую философскую школу, ибо, будучи некоторое время гегельянцем, прилежно изучал Гегеля. Но влияния этой школы кроме чисто внешних особенностей стиля, совершенно не чувствуется в Герцене, и та прямо компрометирующая легкость, с которой Герцен сбросил с себя влияние Гегеля за чтением «Wesen des Christenthums» Фейербаха (любопытно, что совершенно то же самое произошло и с Марксом и Энгельсом), красноречиво свидетельствует о поверхностном характере этого влияния». [2, с.543]

Гегельянское влияние сказывается у Герцена в его

увлечении диалектикой и трактовке им фазисов истории. История у Герцена — процесс, разворачивающийся во времени. Каждый исторический этап характеризуется Герценом как качественно отличный, тождественный самому себе, преисполненный определенной «полнотой» и завершенностью. Но поскольку всякое состояние внутренне противоречиво, оно подвержено изменению и «снятию», обеспечивающего бесконечность развития. Для Герцена любая историческая форма имеет переходящий характер, поражена собственной возможностью к разрушению. Злая ирония истории — даже будущая социалистическая форма, какой бы она ни была совершенной, исторически обречена. Пророчески и очень современно звучат эти слова: «Социализм разовьется во всех фазах своих до крайних последствий, до нелепостей. Тогда снова вырвется из титанической груди революционного меньшинства крик отрицания, и снова начнется смертная борьба, в которой социализм займет место нынешнего консерватизма и будет побежден грядущей, неизвестной нам революцией... Вечная игра жизни, безжалостная, как смерть, неотразимая, как рождение, *corsi e ricorsi* истории, *perpetuum mobile* маятника!» [4, с. 103]

Показательно, но это пророчество сбылось и социализм оказался побежден в ходе либерального реванша в конце XX века. Вместе с тем, не только и не столько гегелевская интеллектуальная традиция повлияла на Герцена. Герцен, будучи человеком рационалистической эпохи, не мог оказаться в стороне от доминирующих идейных влияний, прежде всего, — позитивизма. Очевидно, что Герцен с его секулярным умом, свободным от любых форм мистики и религии, мог удовлетвориться гегельянством. Как пишет В.В. Лесевич, метафизические системы обладали определенными уязвимостями. «Успехи ее (метафизики — авторы) были крайне непрочны, и окончательно овладеть движением европейской мысли она не могла... Трансцендентальная философия Фихте и гегелевская философия... остались, большей частью, не поняты, что зависело, главным образом, от них самих». [6, с. 251]. Уже в 1840-е гг. Герцен идейно двигался навстречу позитивизму. Размышляя о природе предмета науки, Герцен приходил к установке, которую можно охарактеризовать как научный утилитаризм. «Разум сущий прояснил для себя в науке, свел свои счета с прошедшим и настоящим, — но осуществиться будущему надобно не в одной всеобщей сфере... Мысль должна принять плоть, сойти на торжище жизни, раскрыться со всею роскошью и красотой временного бытия, без которого нет животрепещущего, страстного, увлекательного деяния». [3, с. 64]

Успехи в различных областях науки, в самых разных ее проявлениях привело к убеждению, что наука в состоянии разрешить ключевые вопросы общественной жизни. «Наука стремится прийти, в окончательном результате, к доктрине, охватывающей все, что только может

регулировать жизнь и развитие человечества. Она стремится к тому, чтобы не только пояснять, но и руководить жизнью; *она ставит социальную систему конечной целью всей своей работы*». (курсив наш — авторы) [6, с. 253].

В результате сложилось научное мировоззрение, или научная философия, положения которой разделяли очень многие современники Герцена. Среди них — О. Конт, Бокль, Литтре, С. Милль, Г. Спенсер, П. Прудон. Причем, с последними двумя у Герцена были весьма устойчивые контакты, особенно с Прудоном.

Одним из ключевых идей позитивистской философии истории играла идея прогресса. П. Прудон под прогрессом понимал, прежде всего, совершенствование человечества, в основе которого лежал интеллектуальный прогресс личности. По мнению Прудона, следствием прогрессивного развития становилось «непреодолимое распространение свободы и справедливости». [6, с. 251].

Схожим образом мыслил и Герцен. «Прогресс — неотъемлемое свойство сознательного развития, которое не прерывалось; это деятельная память и физиологическое усовершенствование людей общественной жизнью». [4, с. 34] Причем, ценность имеют ближайшие последствия прогресса, его реальные результаты, поскольку каждый этап развития общества имеет свою относительную полноту и завершенность. «...Цель, бесконечно далекая, — не цель, а, если хотите, уловка; цель должна быть ближе, по крайней мере — заработная плата или наслаждение в труде. Каждая эпоха, каждое поколение, каждая жизнь имели, имеют свою полноту, по дороге развиваются новые требования, испытания, новые средства, одни способности усовершенствуются на счет других, наконец самое вещество мозга улучшается... Цель для каждого поколения — оно само. Природа не только никогда не делает поколений средствами для достижения будущего, но она вовсе об будущем не заботится; она готова, как Клеопатра, распустить в вине жемчужину, лишь бы потешиться в настоящем, у нее сердце баядеры и вакханки». [4, с. 35]

Если природа не заботится о будущем, то заботится ее «венец», ее высшее творение — разум человека, выступающий одной из сил прогресса. Как позитивист, Герцен не сводил историю к какой-либо метафизической сущности, она для него была подвижна воздействием самых различных факторов. История как процесс одновременно выступала как набор возможностей с непредреженностью будущего, которое образует «совокупность тысячи условий, необходимых и случайных, да воля человеческая, придающая неожиданные драматические связки и *coups de théâtre*. История импровизируется, редко повторяется, она пользуется всякой нечаянностью, стучится разом в тысячу ворот... которые отопрутся... кто знает?», — пишет Герцен. [4, с. 32]

В этом вопросе Герцен в существенной мере расходился с марксизмом. «Герцен не отрицает объективности истории — это доказывает его работа "С того берега" — он только выступает против истолкования исторического развития как наперед заданного, не зависящего от воли и желания людей, — отмечал Пантин. [8 с.122]

Указание Герцена на случай как форму исторической реальности и как проявление свободы, незамеченных советской историографией, сегодня привлекает очень многих западных герценоведов. Признание значимости случая позволяет отрешиться от доктринального схемотворчества в истории. На это обратил польский исследователь Яцек Углик. [9]

Углик, размышляя о философии свободы Герцена, констатирует: «... Герцен сказал бы, что «вся индивидуальная сторона человека запуталась в темном лабиринте случайных событий, которые пересекаются и переплетаются... образуя созвучное целое или диссонирующий ансамбль». Несмотря на тот факт, что все случайные события имеют свои причины, невозможно проанализировать заранее и, следовательно, предсказать события, которые должны произойти. Мы принимаем во внимание что случайные события действительно случаются, что это действительно часть нашего существования и что это тесно связано с понятием свободы, которая, с точки зрения Герцена, является самым важным фактором». [9, с.33]

По мнению Углика, индивидуальная свобода в герценовском понимании состоит, по меньшей мере, из нескольких элементов, включающих решение, которое сопровождается сопутствующим фактором, подчеркивающим его важность; ответственности; и, наконец, фактора, который никогда не может полностью контролироваться агентом, принимающим решения, то есть шанса. Последний компонент, шанс, также присутствует в мире за пределами человеческих возможностей. [9, с.33]

Важнейшим фактором, влияющим на исторический процесс в концепции позитивизма является сознание личности. Будет вернее сказать — не просто сознание, а автономное сознание человека, основанное на его разумной силе. Лесевич замечает: «...Если всеми благами, которыми мы пользуемся, мы обязаны успехам разума, то возникает вопрос, важный для настоящего и будущего: какие условия необходимы для воплощения в жизнь всех результатов, к каким может привести развитие разума, для достижения возможности не потерять ни одного для роста благ, которыми пользуется человечество. Все условия, необходимые для решения этого вопроса, резюмируются словом «свобода». [6, с.284]

Герцен был убежден в творческой силе духа человека. Личность для него — творец истории! Исторический про-

гресс не содержит в себе какой-то глубинной причины, предустановленной цели или плана. «Кто его составил, кому он объявлен, обязателен он или нет? Если да, — то, что мы, куклы или люди, в самом деле, нравственно свободные существа или колеса в машине? Для меня легче жизнь, а следственно, и историю, считать за достигнутую цель, нежели за средство достижения». [4, с.34]

Историческое творчество личности у Герцена сопряжено с пониманием, что результаты ее непредсказуемы, случайны, мы не можем увидеть всех условий и результатов деятельности человека. Случайность — необходимый атрибут истории! «Принятие случайностей в области природы и воспитания — это цена, которую мы платим за собственные силы, реальность, позволяющая нам отказаться от видения идеально адаптированной и спроектированной реальности, где человек перестанет быть личностью и станет марионеткой, незначимым элементом большого механизма». [9, с.40]

Такой подход Герцена согласуется с выводами философии И. Канта, подчеркивавшего значение автономного сознания. [5]. Великий немец писал: «Род человеческий сам должен и может быть творцом своего счастья; однако то, что он будет им, нельзя заключать *a priori* из природных задатков, которые мы в нем знаем; об этом можно заключать только из опыта и истории, питая столь твердую надежду на это, сколь это необходимо для того, чтобы не отчаиваться в этом его движении вперед к лучшему, а со всем благоразумием и моральным озарением содействовать приближению к этой цели (каждый постольку, поскольку это касается его)». [5, с.104]

У нас нет никаких сомнений, что Герцен был знаком с сочинениями Канта. Автономность сознания наряду с действием других факторов детерминации делает историю и прогресс нелинейным, набором непредсказуемых возможностей. «Борьба, взаимное действие естественных сил и сил воли, которой следствия нельзя знать вперед, придает поглощающий интерес каждой исторической эпохе. Если б человечество шло прямо к какому-нибудь результату, тогда истории не было бы, а была бы логика, человечество остановилось бы готовым в непосредственном *statu quo*, как животные... «В истории все импровизация, все воля, все *ex tempore*, вперед ни пределов, ни маршрутов нет, есть условия, святое беспокорство, огонь жизни и вечный вызов бойцам пробовать силы, идти вдаль куда хотят, куда только есть дорога, — а где ее нет, там ее сперва проложит гений». [4, с.36]

В этом движении истории позитивисты отводили существенное место роли личности в истории, особенно великой. Хотя творческой силой истории являются народы, направляясь волей и усилиями людей, трудно переоценить роль гениев. «Гениальные натуры почти всегда находятся, когда их нужно; впрочем, в них нет необхо-

димости, народы дойдут после, дойдут иной дорогой, более трудной; гений — роскошь истории, ее поэзия, ее *coup d'Etat*, ее скачок, торжество ее творчества». [4, с.37]

Итак, история не имеет смысла, в то же самое время она творима человеком, направляется его силой и волей. Из многочисленных взаимодействий формируется неопределенная, случайная комбинация исторических путей.

Конкретизация философско-исторических подходов к истории приводила Герцена к весьма любопытным размышлениям о движущих силах истории, в первую очередь о соотношении народа и творческого меньшинства. По его убеждениям, *творческое меньшинство вырабатывает идеал*, привлекательный образ жизни для основной массы.

Как видно, он отчетливо понимал, что созидательные силы людей различны и неравноценны. Рядовой человек, составляющий массу не в состоянии понять идеи современного мира, найти путь к освобождению. Эта участь принадлежит великим. «Развитое меньшинство, которое торжественно несется над головами других и передает из века в век свою мысль, свое стремление, до которого массам, кишащим внизу, дела нет, дает блестящее свидетельство, до чего может развиваться человеческая натура, какое страшное богатство сил могут вызвать исключительные обстоятельства, но все это не относится к массам, ко всем». [4, с.96]

Такой подход в трактовке великой личности оказался очень плодотворным для последующей демократической мысли России второй половины XIX века. Здесь речь идет о внесении меньшинством передовых идей в инертную народную массу, среду. Масса же управляема, пассивна и не способна к самостоятельному творчеству. «Посмотрите на мещан, толпящихся в воскресенье на Елисейских Полях, и вы ясно убедитесь, что природа людская вовсе не красива». [4, с.96]

Участь преодоления пропасти между народом и творческим меньшинством лежит на великих личностях, являющихся неким образом «сублимированного народа», концентрата его лучших качеств. *«И эта связь их с массами — не каприз, не риторика, а глубокое чувство сродства, сознание того, что они сами вышли из масс, что без этого хора не было бы и их, что они представляют ее стремления, что они достигли того, до чего она достигает. ...Без сомнения, всякий распутившийся талант, как цветок, тысячу нитями связан с растением и никогда не был бы без стебля, а все-таки он не стебель, не лист, а цветок, жизнь его, соединенная с прочими частями, все же иная. Одно холодное утро — и цветок гибнет, а стебель остается; в цветке, если хотите, цель растения и край его жизни, но все же лепестки венчика — не*

целое растение. Всякая эпоха выплескивает, так сказать, дальнейшей волной полнейшие, лучшие организации, если только они нашли средства развиваться; они не только выходят из толпы, но и вышли из нее». [4, с.111]

Насколько возможно осуществить передовой идеал? Как преодолеть разрыв между идеалами и действительностью? Ответ, по мнению, Герцена лежит в самой природе человека, в его стремлении к свободе. «Развитие лица и масс делается так, что они не могут взять всей ответственности на себя за последствия. Но известная степень развития, как бы она ни случилась и чем бы ни была приведена, — обязывает. Отречься от своего развития значит отречься от самих себя. Человек свободнее, нежели обыкновенно думают. Он много зависит от среды, но не настолько, как кабалит себя ей. Большая доля нашей судьбы лежит в наших руках, стоит понять ее и не выпускать из рук. Понявши, люди допускают окружающий мир насиловать их, увлекать против воли; они отрываются от своей самобытности, опираясь во всех случаях не на себя, а на него, затягивая крепче и крепче узы, связующие с ним. Они ожидают от мира всего добра и зла в жизни, они надеются на себя на последних. При такой ребяческой покорности роковая сила внешнего становится непреодолимой, вступить с нею в борьбу кажется, человеку безумием. А между тем грозная мощь эта бледнеет с того мгновения, как в душе человека вместо самоотвержения и отчаяния, вместо страха и покорности возникает простой вопрос: «В самом ли деле он так скован на жизнь и смерть со средою, что он и тогда не имеет возможности от нее освободиться, когда действительно с нею распался, когда ему ничего не нужно от нее, когда он равнодушен к ее дарам?». [4, с.119]

Герцен представляет социально-исторический процесс как явление самоосвобождения личности, «лица», преодолевающего теллурическую, земную зависимость личности от среды.

«Противодействие, возбуждаемое в человеке окружающим, — ответ его личности на влияние среды. Ответ этот может быть полон сочувствия, так, как полон противоречия. *Нравственная независимость человека — такая же непреложная истина и действительность, как его зависимость от среды, с тою разницей, что она с ней в обратном отношении, чем больше сознания, тем больше самобытности; чем меньше сознания, тем связь со средою теснее, тем больше среда поглощает лицо.* Так инстинкт, без сознания, не достигает истинной независимости, а самобытность является или как дикая свобода зверя, или в тех редких судорожных и непоследовательных отрицаниях той или другой стороны общественных условий, которые называют преступлениями. Сознание независимости — не значит еще распадение со средою, самобытность не есть еще вражда с обществом. Среда не всегда относится одинаковым образом

к миру и, следственно, не всегда вызывает со стороны лица отпор». [4, с.121]

Процитированные высказывания мыслителя весьма характерны: они иллюстрируют факт, насколько могучим и автономным сознанием в историческом творчестве он наделил свободную личность. Она способна влиять на окружающую среду, преобразовывать в соответствии со своей «самобытностью».

Указанные идеи очень значимы для нашего понимания генезиса народничества. Герцен заявляет об «нравственной автономии» личности, подчеркивая при этом обратно-пропорциональную зависимость уменьшению влияния среды. Сколько же здесь смысловых перекрестий с последователями Герцена, в частности с Михайловским, поднимавшим в своей публицистике эту тему!

Признав личность нравственным мерилom жизни, критерием различения добра и зла, Герцен не мог не прийти к формулированию оппозиционной установки борьбы с окружающими обстоятельствами, ведь основа деятельности человека — самоосвобождение! В таком подходе содержалось много субъективного, утопического. Это неизбежно вело к столкновению человека с обществом. «Действительно, свободный человек создает свою нравственность. Это-то стоики и хотели сказать, говоря, что «для мудрого нет закона». Превосходное поведение вчера может быть прескверно сегодня. Незыблемой, вечной нравственности так же нет, как вечных наград и наказаний. То, что действительно незыблемо в нравственности, сводится на такие всеобщности, что в них теряется почти все частное, как, например, что всякое действие, противное нашим убеждениям, преступно, или, как сказал Кант, что-то действие безнравственно, которое человек не может обобщить, возвести в правило». [4, с.131]

Размышляя о фазисах освобождения личности, Герцен выделяет три эпохи. Первая — гармоничное состояние общества, «когда человек свободен в общем деле. Деятельность, к которой стремится всякая энергическая натура, совпадает тогда со стремлением общества, в котором она живет. В такие времена — тоже довольно редкие — все бросается в круговорот событий, живет в нем, страдает, наслаждается, гибнет». [4, с.121]

Вторая категория времени — времена обыкновенные, «времена мирные, сонные ...не настолько натянуты, чтоб лопнуть, не настолько тяжелы, чтоб нельзя было вынести, и, наконец, не настолько исключительны и настойчивы, чтоб жизнь не могла восполнить главные недостатки и сгладить главные шероховатости. В такие эпохи вопрос о связи общества с человеком не так занимает. Являются частные столкновения, трагические катастрофы, вовлекающие в гибель несколько лиц; раз-

даются титанические стоны скованного человека; но все это теряется бесследно в учрежденном порядке...Люди живут в частных интересах, в семейной жизни, в ученой, индустриальной деятельности, судят и рядят, воображая, что делают дело, усердно работают, чтоб устроить судьбу детей; дети, с своей стороны, устраивают судьбу своих детей, так что существующие личности и настоящее как будто стираются и признают себя чем-то переходным». [4, с.122]

Для этой эпохи характерны лишь частные, локальные столкновения человека и общества. Третья эпоха — кризисная, предреволюционная. Это «эпохи, в которые общественные формы, переживши себя, медленно и тяжело гибнут; исключительная цивилизация достигает не только высшего предела, но даже выходит из круга возможностей, данных историческим бытом, так, что, по-видимому, она принадлежит будущему, а в сущности равно отрешена от прошедшего, которое она презирает, и от будущего, развивающегося по иным законам. Вот тут-то и сталкивается лицо с обществом. Прошедшее является как безумный отпор. Насилие, ложь, свирепость, корыстное раболепство, ограниченность, потеря всякого чувства человеческого достоинства становятся общим правилом большинства. Все доблестное былого уже исчезло, дряхлый мир сам не верит в себя и отчаянно защищается, потому что боится, из самосохранения забывает своих богов, попирает ногами права, на которых держался, отрекается от образования и чести, становится зверем, преследует, казнит, и между тем сила остается в его руках; ему повинуются не из одной трусости, но из того, что с другой стороны все шатко, ничего не решено, не готово — и главное, что люди не готовы. — С другой стороны, незнакомое будущее восходит на горизонте, покрытом тучами, — будущее, смущающее всякую человеческую логику». [4, с.131]

Однако установленный баланс между интересами личности и общества не абсолютен, не дан навсегда. «Гармония между лицом и обществом не делается раз навсегда, она становится каждым периодом, почти каждой страной и изменяется с обстоятельствами, как все живое. Общей нормы, общего решения тут не может быть. Мы видели, как в иные эпохи человеку легко отдаваться среде и как во другие только и можно сохранить связь разлукой, отходя, унося все свое с собою. Не в нашей воле изменять историческое отношение лица к обществу, да, по несчастью, и не в воле самого общества; но от нас зависит быть современными, сообразными нашему развитию, словом, творить наше поведение в ответ обстоятельствам». [4, с.131]

Как видно из приведенных размышлений, Герцен рассматривал историческое развитие как конфликтный процесс, вызывавшийся постоянной сменой общественных условий. По этой причине он связывал с личной ак-

тивностью человека, великого исторического деятеля возможность коррекции общественной эволюции. Подобное мышление очень рельефно отражало бунтарский, нонконформистский дух Герцена. В этом, на наш взгляд, коренился исторический персонализм Герцена. «История не имеет того строгого, неизменного предназначения, о котором учат католики и проповедуют философы, в формулу ее развития входит много изменяемых начал — во-первых, личная воля и мощь». [4, с.132]

У Герцена не было безоглядного оптимизма в понимании прогресса. Этот мотив очень хорошо выразил Николай Бердяев, отмечавший, что «Герцен не разделял оптимистического учения о прогрессе, которое стало религией XIX века. Он не верил в детерминированный прогресс человечества, в неопровержимое восходящее движение обществ к лучшему... Он допускал возможность движения назад и упадка... Он не соглашался жертвовать современными поколениями для поколений грядущих... Он видел в настоящем самоцель... Мысли были его направлены против философии истории Гегеля, против подавления человеческой личности мировым духом истории, прогрессом. Это была борьба за личность и это очень русская проблема... социализм Герцена был индивидуалистический, сейчас я бы сказал, персоналистический». [1, с.66]

Подводя итог трактовке Герценом исторического процесса, трудно уйти от впечатления ее противоречивости. С одной стороны, Герцен признает в духе Гегеля идею непременности исторических законов, их объективности. Это приводило к пониманию историчности всего происходящего. С другой стороны, превалирование идеи

о «самобытности лица», автономности нравственного самосознания человека, борющегося в истории за свои идеалы и свободу, позволяло целенаправленно менять историческую реальность в нужном направлении. Это открывало путь к этическому субъективизму в истории. И с этой точки зрения, можно с полным правом считать Герцена «духовным отцом» Михайловского, Лаврова, субъективистов 1870-х гг. Эта установка создавала еще одну принципиальную возможность критического рассмотрения любых, в том числе социалистических догм, которые, как и любое явление обречено историей как на воплощение, так и забвение.

Герценовский субъективизм, между тем, имеет еще отдаленное, но важное последствие. Исходя из установки, что личность все может, что по своему желанию она способна менять ткань истории, можно утверждать о теоретическом обосновании нигилизма. Герцен - провозвестник нигилизма в России, [10, с.67] поскольку нравственное сознание «лица» имеет решающую оценку действительности, которая не имеет абсолютного значения, то личность вправе ее постоянно менять, отрицать. Не случайно же, почти вся историю России, от московских царей до петербургского периода включительно была у Герцена предметом убежденного неприятия, залогом неизбежной борьбы «свободной личности» с гнетущим государственным механизмом. Этот нигилистический ген Герцен передал в наследство всем тем интеллигентам, которые воспитывались в духе болезненной эмансипации от ненавистной русской истории. Можно сказать, Герцен сформировал архетип протестующего государству оппонента.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. Париж, 1971.
2. Булгаков С.Н. От марксизма к идеализму. Статьи и рецензии 1895–1903. М., Астрель, 2006. -1008 с.
3. Герцен А.И. Собр. соч. в тридцати томах. Дилетантизм в науке. Письма об изучении природы. 1842–1846. Т.3.М., 1954.
4. Герцен А.И. Собр. соч. в тридцати томах. С того берега. Статьи. Долг прежде всего. 1847–1851. Т.6. М., 1955.
5. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения М., 1999.
6. Лесевич В.В. Философия истории на научной почве (очерк из истории культуры XIX века)// Сочинения в четырех томах. Мелитополь. Издательский дом Мелитопольской городской типографии, Т. 1. 2013.
7. Менцин Ю.Л. Дилетанты, революционеры и ученые//Вопросы истории естествознания и техники. 1995. №2. http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/HISTORY/VV_HIZ_W.HTM
8. Пантин И.К. Из истории отечественной философской мысли. А. И. Герцен: начало либерального социализма // Вопросы философии. 2006. № 3. С.118-131.
9. Uglić Jacek Chance as an existential reality: on one of the most fundamental categories in Alexander Herzen's thought// Studies in East European Thought (2020).
10. Розанов В.В. Литературные изгнанники. Воспоминания. Письма. М., Аграф. 2000.

© Блохин Владимир Владимирович (blokhin_vv@pfur.ru), Георгиева Наталья Георгиевна (georgieva-ng@pfur.ru),
Мальшакова Полина Александровна (malshakova-pa@pfur.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»